

В конце 1994 г. исполнилось 150 лет со дня рождения академика Никодима Павловича Кондакова, а в начале 1995 г. – 70 лет со дня его кончины. Эти годовщины были отмечены рядом мероприятий, проводимых научными учреждениями и музеями России и зарубежья. В ряду таких мероприятий следует рассматривать состоявшийся в Праге (городе, в котором прошли последние годы жизни Никодима Павловича) международный симпозиум по случаю 70-й годовщины смерти Н.П. Кондакова. К симпозиуму была приурочена выставка материалов бывшего Археологического института Кондакова, функционировавшая с 15 февраля по 16 апреля 1995 г. На выставке были представлены византийские, поствизантийские и русские иконы, памятники русского литейного производства, монеты, ткани. К выставке был издан каталог.

В этом обзоре я остановлюсь лишь на той части каталога, которая посвящена ткачеству, – материалу, близкому мне по роду моей деятельности. Вступительная статья (с. 86–88) и описание тканей принадлежат д-ру Нине Бажантовой.

Коллекция тканей института невелика – в ней 28 образцов ткачества. Но поскольку ни один из них до сих пор не только не был опубликован, но даже неизвестен специалистам, они представляют значительный интерес. Во вступительной статье автор информирует о формировании коллекции (в которой преобладают “коптские ткани”), условиях ее бытования на протяжении более 70 лет, а также характеризуются основные направления развития коптского ткачества и определяется место в нем публикуемых памятников. Примечательно и то, что автор предлагает (на с. 87) свою периодизацию коптских тканей. В ней пять периодов: 1) раннеэллинистические образцы – александрийский стиль (I–III вв.); 2) протокоптские ткани (III – первая половина V в.);

3) собственно коптские ткани (вторая половина V – первая половина VII в.); 4) позднекоптские ткани (вторая половина VII–IX в.); 5) исламские ткани (X–XII вв.). Особенностью этой небольшой коллекции является то, что в ней представлены вещи, охватывающие тысячелетний период. Восемь образцов (№ 61–68) приписываются Сирии и датируются II–III вв., остальные двадцать памятников распределяются между IV и XIII вв.

В краткой вступительной статье Н. Бажантовой содержатся сведения о происхождении тканей из Сирии и Египта и принадлежности их членам Института Кондакова Г.И. Лукьянову и Н.П. Толлю. Эти сведения интересны еще и потому, что расширяют круг лиц, собиравших коптские ткани. Заслуживает внимания наблюдение автора, касающееся персидских влияний в коптском ткачестве (с. 88); сферу этого влияния она видит не только в композиционных приемах, заимствованных изобразительных мотивах и орнаментике, но и в изменениях в одежде египтян.

Позволю себе не согласиться только с одним утверждением Н. Бажантовой. На с. 88 она пишет, что в коптском ткачестве орнаментика и иконография греко-римского характера живет только в течение первой половины I тысячелетия. Эту точку зрения (разделяемую рядом исследователей) следует признать устаревшей. Материалы, вошедшие в научный оборот в последние десятилетия, и обоснованная передатировка ряда тканей показывают, что в середине I тысячелетия исчезают некоторые технические приемы, свойственные классическому и раннекоптскому текстилю, изменяется и стилистический строй вещей, однако изобразительный арсенал, не говоря уже об орнаментике, остается во многом прежним вплоть до начала II тысячелетия, и это не только “безымянные” путти, танцоры, атлеты и т.п., но и Дионис, Геракл, Европа, Ганимед и др.

Судя по описаниям памятников, изображения которых представлены в

каталоге (14 ил.), предлагаемые автором датировки вполне приемлемы.

Хорошо, что книга снабжена вкладышем на английском языке с перечнем памятников, их кратким описанием, указанием размеров, происхождения и датами, а также отсылками к иллюстрациям.

Несколько слов о библиографии (с. 103). Некоторые из указанных в ней работ требуют пояснений или уточнений. Опубликованная на русском языке статья Н.Т. Беляева “Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды” (1926) почему-то передана латиницей. То же самое произошло и с двумя работами Н.П. Толля (1932 и 1937). У каталога “Koptische Weefsels”, 1982 г. есть авторы – А.С. Lopes Cardozo, С.Е. Zijderveld (“Koptische Weefsels”. Haag, 1982). Требуют расшифровки и альбом-

каталог Р.Д. Шуриновой собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина – *Shurinova R. Coptic Textiles. Leningrad, 1967 = Coptic Textiles. Collection of Coptic Textiles. State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad [1967]* и труд Р. Пфистера и Л. Беллинжер – *Pfister-Bellinger 1945. New Haven, 1945 = The Textiles (The Excavations at Dura-Europos Final Report IV. Pt. II). New Haven, 1945.*

Но это все мелочи. Благодаря этому изданию специалисты по коптскому ткачеству получили возможность оперировать еще одной группой тканей, профессионально описанных и аргументированно датированных, уверен, что и исследователи других специальностей найдут в каталоге интересный для себя материал.

Е.В. Каковкин

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭКСТРАКТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Шенгели Г. Повар базилевса. Византийская повесть // Шенгели Георгий. “Иноходец”. Собрание стихов. Литературные статьи. Воспоминания. М.: Изд-во “Совпадение”, 1997. С. 313–354; комментарии: с. 502–512.

Не вполне своевременно, на первый взгляд, рецензировать произведение, написанное более 50 лет назад. Однако в случае с “византийской повестью” “Повар базилевса” Георгия Шенгели это оправдано: будучи завершена в 1946 г., она существовала лишь в рукописи и только в 1997 г. стала доступна как для широкой публики, так и византистам-литературоведам и историкам. Тема “Византия в русской поэзии” представляет значительный исследовательский интерес: она находится в русле неотъемлемой от византистики дисциплины “*Byzance après Byzance*” и до сих пор практически не разработана.

Отражение в литературе и искусстве событий византийской жизни представляет ценность для византистики потому, что в нем реализуется взгляд со стороны на профессиональные занятия византиноведов, в основе которого –

иной (художественный) способ познания той же самой действительности. Поэтому и выход в свет “византийской повести” Г.А. Шенгели, по-видимому, самой большой русской поэмы о Византии, заслуживает внимания ученых.

Следует напомнить читателю, что Георгий Аркадьевич Шенгели родился 20 апреля 1894 г. на Кубани в семье адвоката. Он учился в Керченской гимназии, затем в Московском и Харьковском университетах. С 1914 г. Г.А. Шенгели стал выступать в печати как поэт, с 1917 г. – как ученый-стиховед. В первом своем качестве он опубликовал 17 поэтических книг. Во втором – являлся профессором Московского высшего литературно-художественного института, действительным членом Государственной академии художественных наук (ГАНХ), автором авторитетных научных трудов по теории стихосложения. В 1925 г. Г.А. Шенгели был избран председателем всероссийского союза поэ-